

Вплоть до самого подъема они были твердо в этом уверены. В конце концов, ставить палатки, искать пропитание, греть воду, поить лошадей и дежурить по ночам приходилось в основном им. Но сейчас они испытывали жуткую неловкость, словно получили внезапную звонкую пощечину, от которой лицо горело и заливалось краской.

Помочь? Облегчить ему жизнь?

Да уж, конечно.

Практически каждый из них мысленно горько усмехнулся.

Стоило им начать восхождение по отвесной стене, как с каждым метром вверх крепла уверенность: они здесь вовсе не для помощи. Они выглядели скорее как засланные врагом шпионы, чья единственная цель — мешать Кевину и тянуть его назад.

Если бы не они, Кевин, скорее всего, уже стоял бы на вершине. И ему, разумеется, не пришлось бы ввязываться в недавнюю рукопашную схватку — хотя его голос по-прежнему звучал так непринужденно, словно ничего не произошло.

— Что это были за твари? — первым подал голос тот самый офицер, который раньше спрашивал, стоит ли лезть наверх или лучше обойти гору. — Как они спустились с вершины? Они живут на горе?

Кевин тщательно подобрал слова и ответил:

— Не совсем так. Они живут внутри горы.

Офицер на мгновение завис, не уловив разницы, ведь в повседневной речи выражения «на горе» и «в горе» обычно означали примерно одно и то же.

— А что до того, кто они такие... Считайте их коренными обитателями Холмов Седой Головы, — Кевин и сам толком не знал, как объяснить их природу. Он продолжал карабкаться вверх и на ходу бросил: — Мы же только что говорили, что нужно спокойно принимать существование любых видов и племен.

— Когда ты вчера говорил, что на горе нас ждет кое-что неприятное, ты имел в виду именно это? — восстановив дыхание, спросил Бан, карабкавшийся прямо за ним.

— Вроде того, — Кевин хотел добавить, что не только их, но побоялся, что от таких новостей кто-нибудь позади сорвется и полетит вниз, а это было бы весьма некстати. — Насколько мне известно, эти твари предпочитают охотиться по ночам. А те, что напали на нас, видимо, просто перепутали время суток.

Он намеренно говорил побольше, чтобы подбодрить людей, измученных усталостью и пережитым испугом. Когда внимание переключено на разговор, тяжелый подъем переносится немного легче.

— Полезь мы вчера ночью, столкнулись бы с куда большим их числом. Они бы повалили целыми стаями, — Кевин цокнул языком. — Нахлынули бы, как приливная волна, и тут уж даже я бы не справился.

Стоило спутникам вообразить подобную картину, как их лица заметно позеленели от ужаса.

За разговорами они одолели еще один приличный отрезок пути.

Хотя на душе у всех было беспокойно, удача им улыбнулась. Последний отрезок пути они одолели без происшествий и новых неприятностей. Единственную опасность представляла покрывавшая скалы наледь — она обжигала пальцы ледяным холодом и скользила так, что удержаться было крайне трудно.

К счастью, у каждого при себе имелся армейский нож. Втыкая лезвия в каменные расщелины, они твердо держались на стене. К тому же от тяжелой работы все взмокли, так что ледяной ветер был даже кстати — помогал остудить разгоряченные тела.

— Пришли, — негромко произнес Кевин, и эти два коротких слова подействовали на измученных людей лучше любого стимулятора.

У тех, кто уже мысленно прощался с жизнью, мгновенно загорелись глаза. Они будто заново родились и, обретя второе дыхание, заметно прибавили ходу, то и дело понукая идущих впереди:

— Быстрее, давай живее!

Кевин нащупал край каменного плато на вершине и, навалившись на вонзенный кинжал, ловким рывком забрался наверх. Обернувшись, он протянул руку следовавшему за ним Бану.

Один за другим спутники выбрались наверх и без сил рухнули на землю, тяжело отдуваясь и раскинув руки-ноги, словно пристреленные псы.

Кевин тоже присел. Он согнул одну ногу в колене, свободно опустил на нее локоть, а другой рукой принялся обмахивать лицо.

Земля здесь была покрыта слоем слежавшегося снега. Судя по всему, его истоптали какие-то существа, и он превратился в сплошную ледяную корку. Немного полежав на холодном ветру, люди окончательно обленились — им не хотелось шевелить даже пальцем.

Только когда холод пробрал их до самых костей, они нехотя начали приподниматься.

— Куда дальше? — спросил кто-то.

Маленький Лев Бан благодаря молодости и кипучей энергии быстро пришел в себя. Он поднялся на ноги и принялся неторопливо прохаживаться вокруг.

Снизу гора казалась узкой и крутой, будто на самой вершине едва хватило бы места для кончика иглы. Однако, поднявшись наверх, они обнаружили, что места здесь предостаточно.

Вершина оказалась куда просторнее, чем они думали. К тому же она вовсе не была ровной: повсюду громоздились причудливые нагромождения скал и каменных глыб, образуя лабиринт, в котором после пары поворотов легко могла закружиться голова и пропасть всякое чувство направления.

Бан не решился уходить далеко. Бегло осмотрев окрестности, он поспешил вернуться к Кевину:

— Я все обошел, но что-то не видать тут никакого Водопада Вечной Жизни.

Кевин успокаивающе махнул рукой:

— Не гони коней, сначала отдышитесь. Доставайте сухой паек, перекусите немного. Не знаю, когда нам представится следующая возможность поесть.

От этих слов все так и замерли: что значит «не уверен, когда представится возможность поесть»?! Неужели они прямо сейчас войдут в Гробницу Богов? Но ведь здесь нет и намека на нее!

Кевин не торопился с объяснениями: он опасался, что после его слов у бедолаг от страха заболят животы и они вообще не смогут проглотить ни куска.

Сам он тем временем достал из кожаного мешка немного измельченного птичьего корма и аккуратно рассыпал его по кругу. Затем он хлопнул по спине того самого любознательного офицера:

— Ник, доставай-ка свое вяленое мясо. Я проголодался как волк.

— Сейчас, — буркнул Ник и просто перевернул свой рюкзак вверх дном. Завернутый в вощеную бумагу сверток с мясом выкатился прямо на землю. Кевин без лишних церемоний развернул его, вытащил мясную полоску и в два счета с ней расправился.

На восхождение по склону Холмов Седой Головы ушло полдня. Они вышли на рассвете, а добрались до вершины лишь во втором часу дня. Потратив прорву сил, эти крепкие мужчины давно уже проголодались так, что животы подвело.

Солнце скрылось за плотными иссиня-черными тучами, сквозь которые едва пробивалось размытое световое пятно. Небо выглядело мрачным, обещая скорый дождь.

Ветер на вершине дул пронизывающий и сухой. Единственным плюсом было почти полное отсутствие мошкар — можно было не опасаться, что тебя искусают с ног до головы. Кевин быстро закинул в рот три мясные полоски, чтобы заморить червячка, и только четвертую принялся жевать не торопясь, смакуя каждый кусочек.

Когда у него остался последний кусочек, из клубящегося тумана донесся резкий птичий крик, заставивший его обернуться.

Повернув голову, он увидел того самого белого орла, которого отправлял с посланием. Птица отыскиала дорогу на вершину, летя вдоль цепочки рассыпанного Кевином корма, и теперь, шумно хлопая крыльями, с разбегу уткнулась ему прямо в грудь.

Кевин лишь безмолвно вздохнул.

Он понятия не имел, как во дворце в последние годы воспитывали почтовых птиц, но этот орел почему-то вел себя как ласковый дурачок, каждый раз норовя набить ему полный рот перьев.

Белый орел с поразительной понятливостью выставил вперед тонкую лапку и встряхнул привязанным к ней маленьким металлическим футляром.

Кевин скормил птице последний кусочек мяса и вытащил из футляра свернутый в трубочку пергамент.

Перед отправлением они с Освальдом договорились: чтобы дворец мог координировать его действия на расстоянии, Кевин должен сообщать о каждом своем шаге, подробно расписывая маршрут и способ проникновения в Гробницу Богов.

Кевин по природе своей был невероятно ленив и считал подробные письменные отчеты пустой тратой чернил и бумаги. Вместо этого он придумал отправлять схематичные рисунки, полагая, что такой способ прост, лаконичен и нагляден.

Ответ Освальда оказался еще более лаконичным. Никаких рисунков на пергаменте не было, лишь пара наспех набросанных строчек: «Что за похабщину ты тут намалевал? Глаза бы мои не видели. Пришлешь еще раз подобную невнятную чушь — ноги переломаю».

Кевин лишился дара речи.

Нет, с какой стати это вдруг похабщина? И почему это глаза бы его не видели?

Он долго разглядывал клочок бумаги с непомерно наглым посланием Императора и холодно усмехнулся. Этот тип явно пользуется тем, что находится далеко и не может получить сдачи. Совсем страх потерял? И кто вообще кому ноги переломает?!

Кевин без лишних раздумий вытащил из кожаного мешка еще один чистый клочок пергамента и принялся быстро рисовать. Не велит малевать? Да кто его слушать будет...

Ему по-прежнему было лень выводить мелким почерком длинные описания, поэтому он набросал еще более простую и грубую схему Холмов Седой Головы. На вершине горы он поставил жирную черную точку, провел от нее стрелку и лаконично подписал: «Дыра». А чуть ниже размашисто приписал: «Добрались до верху. Входим через нее».

Этот наглец совершенно не обладал самокритикой и не имел ни малейшего представления о своих сомнительных художественных способностях. Закончив мазню, он бегло ее осмотрел, нашел вполне сносной, свернул пергамент в трубочку, засунул обратно в футляр и отправил белого орла в обратный путь.

Белый орел вдоволь наелся корма, попил воды, как следует отдохнул и с видом важного господина улетел восвояси.

<http://bllate.org/book/18285/1753202>